

"Это величайшая милость Божия"

С молитвой от Владивостока до Москвы. Воспоминания о крестном ходе "Под звездой Богородицы"

19 мая 2007 года мы прилетели из Москвы во Владивосток. Нас тепло и радушно встретили владыка Владивостокский Вениамин, местные батюшки. Была торжественная трапеза. Владыка подготовил нас: сказал, чтобы мы не рассчитывали на мощный крестный ход, потому что сейчас начало летнего сезона, огороды, сады, люди мирским озабочены. И произошло то, чего никогда не происходило...

Крестный ход по Владивостоку - это было по духу сильное шествие. В нем участвовали тысячи. И священство, и монашество, и флот, и администрация, и простых людей море. Шли стройно. Было такое чувство, что это совершилось само собой, не специально кем-то организовано. Молитва была удивительно мощной. Люди, которые шли в этом крестном ходу, сами удивлялись - никогда такого во Владивостоке не было!

На следующий день мы вышли своим крестным ходом. И опять очень много людей пришло нас провожать. В тот день прилетели еще читинцы Галина Ильинична с Александром Николаевичем. Стало нас пять человек, которые вышли из Владивостока с намерением дойти до Москвы. Все остальные люди, уже по дороге, то присоединялись к нам, то отсоединялись - в зависимости от возможности. У кого-то были отпуска, и они заканчивались, у кого-то было желание, но не было возможности чисто физически. Крестный ход - живой организм, который то увеличивается, то сокращается. В какие-то моменты мы шли вообще впятером, а в Иркутске, например, крестный ход вырос более чем до двух тысяч человек.

Большая Державная писаная икона ехала на машине, ее невозможно было нести. Только от Владивостока до Хабаровска ее несли на руках морские пехотинцы. Это удивительные мальчишки! Внешне они мощно не выглядели, но у них был замечательный дух. Такую тяжесть так легко нести! Они впервые столкнулись с тем, что такое крестный ход, что такое Иисусова молитва. Что самое интересное, они могли пройти с этой иконой, не меняясь справа налево: вот как встали, так и пошли. И они тоже сказали, что с такой молитвой можно идти сутками.

Утро на Николу летнего 2007 года. Наши иконы выносят из алтаря, и мы видим, как по стеклу иконы святых Царственных мучеников обильно стекает миро. Икона периодически благоухала. Иконы как заряжались друг от друга: одна начинает благоухать - и все подряд начинают.

На крестном ходе были еще иконы Царственных мучеников, но такая была единственная. И к

ней было особенное внимание, к ней люди чаще хотели приложиться. Эта икона занимала какое-то особое положение в крестном ходе.

Первое чувство, которое появилось после начала крестного хода, - это растерянность: собрались люди, которые никогда не ходили крестными ходами, никогда не встречались с тем, что значит идти с Иисусовой молитвой, как она должна звучать, какое действие она может оказывать. Даже наши руководители не знали, как это делать. У нас очень долго не могла уложиться Иисусова молитва, пока мы не решили, что она должна быть только под шаг. А я до этого была в нескольких крестных ходах, с нами ходил иеромонах Анастасий, который говорил, что Иисусова молитва должна быть в унисон и антифонно. Каждый крестный ход индивидуален, и в каждом Иисусова молитва будет звучать по-своему. Не знаю, от чего это зависит, это особенный процесс. Когда мы уже спелись, люди, пристраивающиеся к нам, через несколько минут умывали лицо слезами.

Первое время я не могла понять, в чем дело, почему не складывается привычный мне ритм движения и дыхания. Потом поняла: разница в климате, давлении, часовых поясах, там радоновые месторождения - все это вместе плюс влажность, 30-процентный недостаток кислорода. Мне объяснили: между Москвой и Владивостоком колоссальная климатическая разница. Это отражалось на всем. Но желание идти быстро пересилило всё. У меня было такое притяжение к центру, к Москве - и все эти ощущения, недомогания как бы мимо меня пролетели. И я не задумывалась, что впереди больше года идти и как всё будет. Мы не оценивали по-настоящему, что такое год пути.

Молитва начиналась у нас с того момента, как мы вставали на дорогу, и так до перерыва, который, как правило, через два часа. Перерыв - и снова вставали. Так в день у нас было по три перехода. Идем с молитвой и в храм входим, и здесь заканчиваем молитву. "Слава Тебе, Боже...", "Пресвятая Богородице, спаси нас", "Все святые, молитесь Бога о нас", "Достойно есть" поем, батюшка произносит отпуст.

Казалось, каждый человек, каждая травинка, каждое дерево было окормлено молитвой. Мы чувствовали, что как бы приподнимались над землей, и это ощущали все во время всего пути. Идет ли двадцать, или сто, или тысяча человек. Когда мы молимся "единым сердцем и едиными усты", тогда отвечает Небо на молитву. И я поняла, каким образом наши предки вымаливали и победы, и дожди, и всё - такой соборной молитвой.

С нами как-то шел один священник, он взял с собой хронометр и подсчитал, сколько молитв за минуту, за час мы пропевали. Оказалось, что мы вычитывали в течение дня очень сложное, очень большое монашеское правило.

Силу молитв уже через месяц, через два можно было видеть на людях. Действие невероятное, очищающее. Идти постоянно с именем Божиим на устах - это величайшая милость Божия.

Сколько бы мы ни проходили (даже бывало по десять часов), у нас никто не уставал. Если только ноги уставали. А пение, наоборот, давало силы. Как только молитва начиналась - мы и выпрямлялись, и скорость появлялась... Кто со стороны смотрел, говорил: "Невозможно так ходить. Это что, спортивная ходьба? Что вам дает силы?"

Одно дело, когда отдельно от молящихся клирос поет с хорошо поставленными голосами, профессионально. Но другое, когда молитва поется, как у нас на крестном ходе, всеми вместе, когда молится каждый человек. Редко, когда возможна такая соборная, единомысленная молитва. Конечно, такая молитва имеет великую силу!

В Приморском крае люди нас встречали сдержанно, не были распахнуты - мне это было странно. Но потом проходило полчаса, они видели, что мы живые люди, что мы мерзнем, что мы мокрые - это их, как ключиком, открывало, и появлялось теплое, доброе чувство. Чем глубже в Сибирь, к Уралу, тем люди более открытые. Может, это связано с климатом, с тем, что там более тесные поселения. А Дальний Восток - это огромное пространство, расстояния между населенными пунктами очень большие. И при этом - небольшие дома, небольшие поселки. Может быть, это и сказывается на характере людей.

село Гудачи́ в Магдагачинском районе Амурской области

Пока мы шли по Дальнему Востоку, мне было как-то тоскливо и одиноко, я долго не могла понять, в чем дело. Но когда я увидела несколько берез, у меня было внутри такое ликование! И я поняла: вот чего мне не хватало. Оказывается, человек очень привязан к родной земле. Там растительность - хвоя, осины, густая темная зелень, она очень действует на человека, подавляет того, кто привык к другой природе. Наша береза, эти стволы белоснежные - это прозрачность, легкость... Как удивительно человек устроен!

Когда мы проходили между сопками, где абсолютно нет никаких машин, нет людей - горы

кругом, мы были словно на дне огромного блюда, и Иисусова молитва эхом откликалась в нем. Это такое чувство, это такое слышание!..

Безусловно, наш крестный ход был покаянный. Сама Иисусова молитва - самая сильная покаянная молитва. А каяться нам, конечно, есть в чем. XX век - такой страшный для нас: грехи, которые совершались, легли на многие поколения...

Путь, который мы прошли, - это страшный путь. Сколько горя, сколько крови, сколько смерти было на этом пути... Ведь это же всё осталось, за это никто не принес покаяния. Мне думается, что каждый из нас когда-нибудь в своей жизни скажет: "Господи, прости! Может, я и не жил в то время, но всё равно я наследую всё это".

Мы не понимали, что такое воинствующий атеизм, что такое гражданская война, что такое убийство Царя. И все эти грехи легли на наших детей, на наших внуков. И мы видим результат разрушающего действия этих грехов.

Когда проходишь эти дороги, останавливаешься, видишь: и разрушенные храмы, и людей - собеседников тех, кто когда-то жил здесь и рассказывал им страшные истории тех времен. В сущности, путь, который мы прошли, полит кровью и усеян останками. Мы проходили там, где на местах массового захоронения либо бараки для больных, либо лагеря для заключенных. Здесь же строят федеральные трассы, делают площадки и ставят вагончики для строителей, которые там живут по три-четыре месяца, а потом новые партии приходят. Заметили, что здесь очень частые смерти, причем необъяснимые. Там никто не пьет, у них сухой закон. Конечно, труд-то тяжелый... Нас поселили в таких вагончиках, и говорят нам: "Сделайте что-нибудь, у нас два-три человека в месяц умирают, здоровые молодые мужчины". И мы обошли крестным ходом, отслужили Литургию.

Причащались мы раз в неделю и чаще, два-три раза в неделю.

Когда мы еще не дошли до Хабаровска, мы у одного батюшки останавливались. А его поселок находится под прямым углом к федеральной трассе. Неделя не проходит - обязательно аварии, и, как правило, со смертельным исходом. Он поставил там поклонный крест - и практически ни одной аварии.

В Хабаровском крае, в Удмуртии их было много:ходишь в населенный пункт, уходишь - обязательно высокий, большой поклонный крест. И в других местах - мы приходили, и

ставились кресты уже в ознаменование воссоединения нашей Церкви с Зарубежной, в честь этого крестного хода. Очень много поклонных крестов!

В самом начале крестного хода у меня начался артрит - я не знала, что это такое, ноги болели, красные были. В день мы делали по тридцать-сорок километров. Крестный ход только начался, а люди еще не адаптировались и к природе, и к тому, что целый день проходит в постоянном движении. Я тоже не понимала, я думала, что у меня пройдет это всё. Я на Бога уповала. Когда перерыв, с одной стороны, вроде ты отдохнул, а с другой - как идти дальше, когда опять боли сильные...

Когда мы пришли в Хабаровск, встретили протоиерея Сергия. Это удивительный батюшка. Он полностью отдан людям, вере православной. Он пришел ко Господу чудесным образом: он был Господом вынут из смерти. Он работал подводником, и у него был такой момент, когда в его подводном костюме было нарушено кислородное снабжение, а он находился на большой глубине. Когда он взмолился, то непонятно каким образом очутился на поверхности. Это был его первый шаг ко Господу. Не знаю, как это так получилось, я подошла к нему и сказала:

- Батюшка, я уже не могу идти, у меня так ноги болят...

Рассказала ему, что люди к нам пристраиваются и плачут, я руковожу молитвой, задаю ритм рукой, это пение действует на людей очищающе. И я сказала:

- Отче, мне кажется, что если все русские так запоют, они проплачутся, у них очень много очистится.

Батюшка ответил мне:

- Ты так и пой. Главное - не бойся.

В Хабаровске они ходят каждый год крестным ходом благодаря его стараниям. Они обходят город за семь дней. В тот год, когда мы прошли по Хабаровску, их крестный ход вырос почти три раза. В прошлые годы было около 350 человек, а в этом году - уже около 800.

Действие крестного хода можно было видеть везде: в храмы сразу приходила молодежь, люди среднего возраста крестились, не один-два, а целыми потоками.

Однажды четыре дня шел проливной дождь. Мы промокли насквозь. Нам приходилось делать за один переход и пятнадцать километров, а в дождь это очень тяжело. Многие заболели, артриты появились.

Несколько раз мы ночевали в поле, у нас были с собой палатки. Рядом проходила федеральная трасса, можно было ожидать чего угодно. Наша братия дежурила, очень горды были тем, что не спали, охраняли нас. От них требовалась не только физическая подготовка, но и нужно было быть постоянно готовым сделать всё, что тебя ни попросят. Отношение к сестрам было внимательное и бережливое, всегда уступали нам лучшее помещение.

Когда были очень большие расстояния и по графику нашего движения мы не успевали, мы делились на две группы по 10-12 человек. Первая группа идет, а вторая садится в машину, переезжает на 10-15 километров вперед и начинает свой путь. Так мы проходили за то же время в два раза больше. Основная цель нашего крестного хода состояла в том, чтобы покрыть все расстояние от Владивостока до Москвы Иисусовой молитвой.

село Талдан в Сквородинском районе Амурской области

Самый сильный мороз у нас был минус 43 градуса. Во Владивостоке, во всей Сибири, на Байкале, на всем Урале нам говорили одно и то же: пугали такими страшными морозами в Иркутской области, такими страшными ветрами на Байкале, от которых никакая одежда не спасает. Мы пришли на Байкал - там наше подмосковное бабье лето, абсолютно зеркальная поверхность Байкала. Как только мы его прошли, началась буря с теми страшными ветрами, про которые нам говорили. Шли в Иркутской области - самое большое было минус 18-20 градусов, как только мы ее миновали, по прогнозу передали: минус 55.

Когда я слышала слово дождь, у меня возникала внутренняя дрожь: я вспоминала, что меня могут снова постигнуть жуткие боли в суставах. Каждый раз я малодушно говорила себе, что не пойду, а поеду. И каждый раз меня Господь останавливал, и я все-таки шла. Это тоже был момент преодоления себя.

Когда приходишь в приход, когда тебя там встречают люди, когда стоишь на Литургии в храме, то чувствуешь и понимаешь, что люди живут только верою.

На нашем пути мы почувствовали, что в людях и вера, и душа живы.

Приходы небольшие, но очень крепкие. Люди читают ежедневно Псалтирь, Евангелие.

Особенно меня поразила Читинская область. Там удивительные батюшки: у них несколько приходов на каждого, а между приходами огромные расстояния. Каждый приход небольшой, но очень сплоченный. Встречи с нами готовились на высочайшем уровне. Мы приходили - и всё как по мановению волшебной палочки было: Литургию, молебны служили, устанавливали большие поклонные кресты.

Была у нас такая семья: Наталья с двумя детьми. Старшая, 14-летняя девочка Надежда, и маленький мальчик Гоша. Мальчик не совсем здоровый с рождения. В крестном ходе он избавился практически от всего - абсолютно полноценный мальчик стал. Мама их звонила нам периодически во время крестного хода, говорила, что он уже получает оценки хорошие, изменились их взаимоотношения.

Еще была женщина Надежда - у нее в селезенке были две кисты, и планировалась операция.

Когда она вернулась домой, ей сделали снимок. Ни о какой операции речь уже не шла.

Это были самые первые плоды нашего крестного хода.

Мы прошли две тысячи километров - по гравию, и нас всех повели к врачам. Ортопед каждого посмотрел и сказал: "Суставы такие, что не дойдете". А дошли все!

Царственные мученики спасли мне жизнь. Мы шли вдоль федеральной трассы, машины там едут на жуткой скорости. На меня наехала машина - три человека, которые в ней были, спали. Если мерить человеческими мерками, меня не должно было быть; судя по той траектории, которой меня крутило, ясно было, что не должна была остаться в живых. Врач сказала мне, что минимум что меня ждало, это множественные переломы и меня должны были собирать по косточкам. А я только ушибом отделалась. Как раз в этот момент читали акафист.

Постоянно были радуги. Даже при полной пасмурности, и зимой, и осенью, и весной, во все те дни, когда ее не должно было быть, - вдруг все это раздвигается, растворяется эта облачность. И смотришь: радуга! Никто никогда не видел, наверно, пять радуг на небе одновременно, а нам довелось видеть. Или солнце садится - столб света вверх идет. Были кресты из солнечных лучей. Это же небо начинает отзываться на молитву.

Есть нечто такое, что подтверждает, и каждый человек может это почувствовать, что мы все - творение Божие.

Как удивительно: идешь по шоссе (если вдруг машин не так много), только сестры начинают петь "Господи..." - и птицы тоже начинают петь! Когда шли по Амурской области, бабочки просто облепляли иконы, в машины залетали, на нас садились. И думаешь: только бы не улетели!

А оркестр из кузнечиков? Это такая гармония, такие звуки! Мы начинаем петь - они слушают. Мы замолкаем - они начинают петь.

Я не говорю уж про лошадей, коров! Те просто выстраивались в сторону крестного хода, как по команде.

А сколько еще интересного, доброго было!.. Мы же вдоль федеральной трассы шли. А на Дальнем Востоке вдоль нее и железная дорога идет. И уже знакомые нам поезда видят наши

хоругви - сигналият нам. И перегонщики машин - пока мы шли, они по пять партий машин перегнали - нам тоже сигналият. Или когда жара была, упаковку минеральной воды нам передали. Это тоже очень воодушевляло: чувствовалось, что не просто ты один идешь - тебе соперезивают.

Нас спрашивают: "Какое самое большое чудо, которое вы встретили?" Это, конечно, та любовь, с которой нас встречали люди.

Народ наш всё такой же: и чист, и добр, как дитя. И любовь жива, и душа жива. Мне кажется, только вот чуть-чуть еще покаяния, чуть-чуть приподняться к вере... И Русь, она есть!

Весь Владивостокский крестный ход, все участники пришли с таким чувством любви ко всему и ко всем. Это чувство любви всеохватывающее.

В Благовещенске Литургию служили архиепископ Гавриил Благовещенский и Тындинский и епископ Михаил Женевский и Западно-Европейский. Владыка Гавриил говорил, что Россию ждут удивительные события, которые поднимут ее из того положения, в котором она находится.

Наш год был как один день. Было такое чувство, что мы хорошую школу прошли. Это был другой ритм, вообще другая жизнь. И без помощи Божией, без Покрова Богородицы, человеческими усилиями это было просто невозможно.

Р.Б. ГАЛИНА

Источник: [*газета "Русь Державная"*](#)

Фотографии предоставлены Анной Черник